

1-й этап. Становление рабовладельческих отношений под влиянием внутренней сословно-классовой борьбы и в связи с внешнеполитическими отношениями в Италии, оканчивающимися завоеванием Римом Апеннинского полуострова.

2-й этап. Развитие рабовладения в условиях нарастания классовой борьбы, перерастающей в гражданскую войну, и превращения Рима в средиземноморскую державу. 1-й этап с конца VI в. до н. э. до середины III в. до н. э.; 2-й этап — середина III в. до н. э. — конец гражданской войны.

III период. Рим — рабовладельческая империя (гибель рабовладения)

1-й этап. Относительная стабилизация рабовладения в условиях военно-рабовладельческой диктатуры времени Принципата и в обстановке созревания условий для окончательной борьбы с рабовладением.

2-й этап. Кризис рабовладельческой системы, несмотря на усиление военно-рабовладельческой диктатуры времени Домината, и гибель этой системы под нарастанием совместной борьбы с ней свободной и несвободной бедноты (колонов и рабов), объединившихся с «варварами», вторгающимися в пределы Римской империи.

В расшифровку содержания этих периодов вписывается тот конкретный материал, который приведен в статье С. И. Козалева, с учетом критических замечаний, сделанных по вопросам социальной стороны процесса римской истории.

Проф. П. Н. Тарков

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ УРАРТСКОГО ЯЗЫКА

1. Грамматические категории, характеризуемые суффиксом $-(i)ni$

Характерной чертой морфологии урартского языка является существование нескольких грамматических категорий, образованных при помощи суффикса $-(i)ni$. Такое внешнее совпадение функционально отличных друг от друга грамматических категорий являлось зачастую причиной их отождествления, что приводило к неправильному пониманию той или иной грамматической формы и смысла всей фразы в целом.

Поэтому, разбирая урартские грамматические формы, образованные суффиксом $-(i)ni$, следует строго их разграничивать в зависимости от их морфологических и синтаксических функций.

Суффикс-детерминант $-(i)ni$. Суффикс $-(i)ni$ выступает в урартском языке в качестве элемента, дополняющего основу имени или образующего новую именную основу, являясь в таком случае неотъемлемой частью последней. В функциях элемента, дополняющего основу имени, данный суффикс выступает в формах множественного числа имен существительных, образованных суффиксом $-še$: $baušinili < baušē-ini-li$; $arniušinili < arniuše-ini-li$; в отдельных словах: $ḫuradinili < ḫuradi-ini-li$, $esinini < esi-ini-ni$, $pulusinikaī < pulusi-ini-kaī$ и др. Суффикс $-(i)ni$ можно выделить также в прилагательных, образованных адъективным суффиксом принадлежности $-ḫi/e$ ¹. Основа слова на

¹ Некоторые исследователи за адъективный суффикс принадлежности принимают формант $-ḫini$. Но частица $-ni$, например, в форме ^{1D}Sarduriḫiḫiše является составной частью не суффикса, а основы прилагательного ^{1D}Sarduriḫi, так как в падеже субъекта при непереходных глаголах прилагательное на $-ḫi/e$ выступает уже без суффикса $-(i)ni$ ^{1I}šruinini ^{1D}Sarduriḫe (УКН 19 2, 18, 27 и др.), ^{1M}enuani ^{1I}šruiniḫe (УКН 24 лиц. ст. 12, 30, и др.). Следовательно, прилагательное, выражающее отношение принадлежности, образуется при помощи суффикса $ḫi/e$, а $-(i)ni$ является элементом, дополняющим основу прилагательного. Данный суффикс находит соответствие в хурритском языке, где в аналогичных функциях употребляется суффикс $-ḫe$ (см. E. A. Speiser, Introduction to Huerian, New Haven, 1944, 158).

-hi/e дополняется суффиксом -(i)ni в том случае, если у прилагательного должно появиться определенное падежное окончание: ¹Meua-hi-(i)ni-li, ¹Meua-hi-(i)ni-se, ¹Meua-hi-(i)ni-e и др., но в неоформленном падеже единственного числа, характеризующемся нулевым окончанием, суффикс -(i)ni отсутствует: ¹Meua-hi/e. Суффикс -(i)ni первоначально выполнял определенную морфологическую функцию, чем и обуславливалось его частое употребление в качестве форманта, дополняющего основу. Данный суффикс, восходящий, по всей видимости, к указательному местоимению ini «этот», представлял собой деиктический элемент, употреблявшийся для определения конкретизации именной основы. Такое определение именной основы при помощи деиктического элемента, как известно, весьма распространенное явление во многих языках. Оно проявляется не только в образовании основы имени, но и в оформлении некоторых падежей. Суффикс -(i)ni, употреблявшийся первоначально для конкретизации, для определения именной основы можно назвать суффиксом-детерминантом.

Суффикс -(i)ni, как было отмечено выше, образует также новую основу, являясь в таком случае неотъемлемой частью последней. В этой функции он выступает в слове tîni «имя, название». Данное слово можно разложить на корень ti- и суффикс-детерминант -(i)ni, образующий именную основу «tîni». Такой анализ этого слова оправдывается тем, что составная часть его ti- этимологически увязывается с глаголом ti(u)-«называть»¹. При помощи суффикса -(i)ni образуется именная основа tîni со значением «имя, название».

Адъективный суффикс принадлежности -(i)ni. В урартском языке весьма распространено употребление суффикса -(i)ni для образования прилагательных, выражающих отношение принадлежности²: ^DHaldinini baušini=ассир. ina amât ^DHaldia (УКН 264_{17/18}) «по халдовому велению»; ^DHaldinani KÁ=ассир. ištu libbi bâbâni^{MEŠ} ša ^DHaldie (УКН 19₂/27-28) «от халдовых ворот». Из этих примеров видно, что суффикс -(i)ni выражает в данном случае отношение принадлежности, что в ассирийском передается родительным падежом или частицей ša, являющейся аналитическим выразителем отношения принадлежности. Во втором примере определяемое слово (KÁ) употреблено во множественном числе (ассир. bâbâni^{MEŠ}). Поэтому в определении появляется элемент -a-, присоединяющийся к основе прилагательного и выражающий множественность в косвенных падежах: ^DHaldinani < ^DHaldi-(i)ni-a-ni. Исходя из этого, можно заключать, что если к основе определения, образованного суффиксом принадлежности -(i)ni, присоединяется показатель множественности -a-, то определяемое слово стоит во множественном числе, хотя множественность в идеограммах графически часто не обозначается, как и в вышеприведенном примере. Аналогично должны быть поняты следующие фразы: ^{URU}Ardininaçe DINGIR GUD II UDU^{MEŠ} (УКН 27₁₄) «ардинским богам — быка (и) две овцы; ^{URU}Tušpaninaçe DINGIR GUD II UDU^{MEŠ} (УКН 27₁₄) «тушпинским богам — быка (и) две овцы». В этих примерах определяемое слово DINGIR стоит во множественном числе, на что указывает показатель множественности -a- в определениях ^{URU}Ardininaçe < ^{URU}Ardini-(i)ni-a-çe и ^{URU}Tušpaninaçe < ^{URU}Tušpa-(i)ni-a-çe, которые согласуются в числе с определяемым словом. В случае употребления определяемого слова в единственном числе определение было бы лишено показателя множественности -a-.

¹ В урартских клинообразных надписях глагол ti(u)- встречается со значением «говорить, сказать», что подтверждается ассирийской параллелью Келяшинской билингвы, где эквивалентом ti-i-ú-li-i-e является форма iq-ta-bi-ú «сказали» (УКН 19_{30/27}). Но глагол ti(u)- должен был иметь и другое значение, а именно «называть», что весьма близко к первому, точно так, как ассир. zakâtu значило как «говорить», так и «называть». От этого глагола со вторым значением «называть» и образуется слово tîku «имя, название».

² См. J. Friedrich, Einführung ins Urartäische, MVAeG, т. 37, вып. 3, Лpz, 1933, § 46.

Прилагательному, образованному при помощи суффикса $-(i)ni$, в ассирийском языке соответствовало слово, стоящее в родительном падеже принадлежности: D Haldini haušini- ассир. ina amât D Haldia (УКН 267_{17/18}). Этот же родительный падеж употреблялся в ассирийском эквиваленте урартского родительного падежа: LUGÁL KUR Šuraçe LUGÁL KUR Binaça — ассир. šar kiššati šar mât Nairi (УКН 19_{18—19/18}) «владыка мира, царь страны Наири». Из этих примеров видно, что урартскому родительному падежу, как и прилагательному, образованному суффиксом $-(i)ni$, в ассирийском соответствовал родительный падеж принадлежности. Этот факт объясняется той смысловой идентичностью, которая существовала между прилагательным, оформленным суффиксом $-(i)ni$, и существительным, стоящим в родительном падеже. В предложении I Menua-i pili (УКН 44₉) «канал Менуи» отношение принадлежности выражается родительным падежом, тогда как в предложении I Menua-*ini-ei* SAL sila(i)e (УКН 111_{1,4}) «Менуевой дочери» отношение принадлежности выражается суффиксом $-(i)ni$. Аналогичное явление замечается в следующих примерах: D Haldi-ipatari (УКН 65₁₀) «город бога Халди», но D Haldinili šeštili (УКН 74₃) «халдовы ворота». К этим двум способам выражения отношения принадлежности язык прибегает в зависимости от падежа определяемого слова. Если определяемое слово стоит в неформленном падеже единственного числа, т. е. если оно представлено в виде чистой основы, то принадлежность выражается родительным падежом, в противном случае — суффиксом $-(i)ni$, ср. D Haldi-i patari и D Haldinili šeštili, D Haldinipi KÁ (определяемое слово KÁ стоит в творительном падеже множественного числа); I Rusa-i URU (УКН 280.) «город Русы», I Rusa-i šue (УКН 268₄) «озеро Русы». I Rusa-i I Argištiḫini-i É urišhusini (УКН 283) «оружейный дом Русы, сына Аргишти», но I Rusa-*ini-e* É urišḫusi-e (УКН 270—274) «оружейного дома (царя) Русы»; I Menua-i pili «канал Менуи», I Menua-i GIS ulde (УКН 65_{14—15}) «виноградник Менуи», I Menua-i É (УКН 89_{3—4}, 118_{1—2}) «дом Менуи», но I Menua-*ini-e* ḫubi-i (УКН 59_{5—6}) (род. или дат. пад.) «(до) менуевой долины (:)», I Menua-*ini-ei* SAL sila(i)e «менуевой дочери». Это явление объясняется необходимостью согласования в падеже определения с определяемым словом. У определения, стоящего в родительном падеже принадлежности, должно было появиться окончание, характеризующее падеж определяемого слова в силу необходимости согласования в падеже определения с последним, что (т. е. наложение двух падежных окончаний на основе слова) не характерно для урартского языка. Во избежание этого определение образуется при помощи суффикса $-(i)ni$ и согласуется в падеже с определяемым словом. Если же определяемое слово стоит в неформленном падеже единственного числа, характеризуемом нулевым суффиксом, то согласование с ним, естественно, отсутствует, вследствие чего в определении отношение принадлежности выражается родительным падежом¹. Постановка определения в родительном падеже или оформление его при помощи суффикса $-(i)ni$ является верным критерием для определения падежа определяемого слова. Так, например, в предложении I Argišṭini urišhusini (УКН 151, надпись на бронзовой чаше) «(из) оружейной (царя) Аргишти», слово urišhusini «оружейная» стоит в род. (или дат.?) падеже, на что указывает суффикс $-(i)ni$ в определении I Argišṭi- $-(i)ni$, хотя суффикс родительного падежа не находит графического выражения; ср. I Argišṭini-i urišhusini- $(e)i$ (УКН 144₁, 145₁) при I Argišṭi-i urišḫusi (УКН 150) «оружие Аргишти». Исключение составляют надписи царя Сардури на бронзовых чашах (УКН 177—190): ID Sar₅-du-ri-e (É) ú-ri-iš-ḫi «дома оружия (царя) Сардури» при закономерном ${}^{NI}G(\cdot GA)$ ID Sarduri- $(e)i$ (УКН 191—260) «собственность (царя) Сардури». Не исключена, однако, возможность, что первое предложение было бы правильнее переводить: «дом оружия (евр. оружейный дом) (царя) Сардури».

¹ См. Т. В. Гамкрелидзе, К вопросу о склонении имен в урартском языке «Труды Института языкознания АН Груз. ССР». Серия языков Востока. I (1954), стр. 103; ср. Г. А. Меликишивили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 286.

Прилагательные, образованные суффиксом принадлежности $-(i)ni$, в ассирийском передавались, как было отмечено выше, родительным падежом или относительной частицей $\dot{\text{ša}}$. Частица $\dot{\text{ša}}$, выражающая в аккадском отношении принадлежности, происходит от указательного местоимения $\dot{\text{šû}}$. Аналогичное явление имеем в урартском языке, где адъективный суффикс принадлежности $-(i)ni$ восходит, по всей видимости, к указательному местоимению ini .

Именительный падеж на -ni. Субъект при непереходных глаголах и прямое дополнение стоят в урартском языке в падеже с окончанием $-ni$. В этих же функциях используется неоформленный падеж, характеризующийся нулевым суффиксом. Эти падежи чередуются без всякой синтаксической закономерности¹, что указывает на их полную функциональную идентичность. Это объясняется тем, что именительный падеж происходит от неоформленного падежа путем присоединения к основе окончания $-ni$, определяющего основу слова и восходящего к указательному местоимению ini ². Такое назначение и происхождение окончания именительного падежа видно из того факта, что суффикс $-ni$, как правило, отсутствует в том случае, если существительное определено полной формой указательного местоимения ini . В функции прямого дополнения в таких случаях выступает неоформленный падеж: ${}^1\text{Menuaşê } {}^1\text{špuniḫiniṣe } ini \text{ pili(e) aguni}$ (УКН 43₁₋₃, 44₁₋₃, 45₁₋₃, 52₁₋₃ и др.) «Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел»; $ini \text{ É-(e) zaduni}$ (УКН 4—10, 80₃, 81₆ и др.) «этот дом построил»; $ini \text{ susi(e) šidiṣtuni}$ (УКН 71₁₀, 72₃, 73₃; 8); $iniNA_4 \text{ pulusi kuguni}$ (УКН 93_{3,10}, 94₃ и др.) «эту стелу написал» и др. Наряду с такими формами, как $ini \text{ É}$, $ini \text{ DUB-te}$ (УКН 39_{2,2}}) «эту стелу», засвидетельствованы формы $Éini$ (УКН 17_{1,2}}), $\text{DUB-te } ini$ (УКН 19_{27}})³.

Постпозитивное употребление указательного местоимения ini было своего рода переходной ступенью для образования от неоформленного падежа именительного, характеризующегося суффиксом $-ni$. На той ступени развития языка, которая представлена в клинообразных надписях Ванского царства, чувствуется тенденция вытеснения неоформленного падежа, выступающего в функции субъекта при непереходных глаголах, т. е. происходит формирование именительного падежа путем присоединения к основе существительного указательного местоимения ini . В урартском языке процесс образования именительного падежа, как видно, не закончен, чем и объясняется частое чередование его с неоформленным падежом.

На древнейшей ступени развития урартского языка следует предположить существование только неоформленного падежа для выражения субъекта при непереходных глаголах и прямого дополнения, что характерно для хурритского языка, отражающего древнейшее состояние⁴.

Творительный падеж на -ni. Творительный падеж, характеризующийся суффиксом $-ni$, тождественен по форме с именительным падежом⁵. Творительный падеж на $-ni$ отсутствует в хурритском языке, падежная система которого, представляя собой более архаичный тип, почти полностью совпадает с урартской. В урартском языке творительный падеж на $-ni$, по всей видимости, более позднего происхождения. Не исключена возможность, что суффикс творительного падежа $-ni$ восходит к тому же указательному местоимению ini .

¹ См. J. Friedrich, Einführung, §§ 50, 51, 53.

² Образование именительного падежа путем присоединения к основе слова указательного местоимения характерно, как известно, для многих языков. От указательного местоимения образован именительный падеж в древнегрузинском языке, употребляемый в тех же функциях, что и урартский именительный падеж. Местоименного происхождения являются, по всей вероятности, также окончание индоевропейского именительного падежа $-s$ и семитского именительного падежа $-u$.

³ См. Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы стиля победных и строительных надписей урартских царей (на груз. яз.), «Мимомхилвели», 1949, № 7, стр. 230.

⁴ См. E. A. Speiser, Introduction, 149.

⁵ См. J. Friedrich, Einführung, § 61; Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 268.

Таким образом, внешнее совпадение функционально отличных друг от друга грамматических категорий с суффиксом $-(i)ni$ обусловлено их общим происхождением. Эти грамматические категории образованы, как и в других языках, при помощи деиктического элемента, присоединяющегося к основе слова. Но если в других языках соответствующие формы восходят к нескольким элементам, в урартском языке все они образованы одним указательным местоимением ini . Этим и объясняется наличие в урартском нескольких функционально отличных друг от друга грамматических категорий, характеризующихся суффиксом $-(i)ni$.

II. Окончание родительного падежа

Родительный падеж характеризуется в урартском языке окончаниями $-e, -i$ в единственном и $-ce$ во множественном числе¹.

В урартском языке большинство падежей имеет одно и то же окончание как в единственном, так и во множественном числе, что весьма характерно для агглютинирующих языков, к которым относится и урартский. Множественность в таком случае выражается элементом $-a-$, предшествующим окончанию². В случае родительного падежа это правило нарушается. Объяснение этому нужно искать в фонетических изменениях, которым было подвержено первоначальное окончание родительного падежа. Формант родительного падежа в полной форме сохранился только во множественном числе, где он следует за элементом множественности $-a-$: $erila-ce$, $huradina-ce$. В единственном числе окончание родительного падежа не сохранилось в первоначальном виде вследствие фонетических изменений под влиянием конечного гласного основы слова. Если форманту родительного падежа $-ce$ предшествовал конечный гласный основы $-i$, то происходило выпадение полугласного $-ç-$ (или ассимиляция его с предшествующим гласным $-i$?). Засвидетельствованное в таких формах, как $qiuḡa > qira$ «земля», $arḡiḡinili > arḡišinili$ «дела, дняния», $ebaniki >$ «моя страна» > напр. падеж $ebanikidi$ ³. Гласный $-e$, полученный от первоначальной формы окончания родительного падежа $-ce$, переходит в i , что вполне естественно, учитывая факт частого чередования в урартском гласных e и i ⁴. Основы с исходом на гласный $-a-$ образуют родительный падеж при помощи гласного $-e/i$, оставшегося после выпадения полугласного $-ç-$: $URU Tušpa-ce > URU Tušpa-e$ || $URU Tušpa-i$ ⁵. Следовательно, окончанием родительного падежа как в единственном, так и во множественном числе являлся суффикс $-ce$, который в единственном числе претерпел ряд фонетических изменений. Это подтверждается и данными хурритского языка, в котором родительный падеж характеризуется окончанием $-we$ ⁶.

¹ См. J. Friedrich, Einführung, §§ 57, 58, 60; Г. А. Меликшвили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 266 сл.

² См. J. Friedrich, Einführung, § 63.

³ См. J. Friedrich, Einführung, § 18d; Г. А. Меликшвили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 261.

⁴ Об этом чередовании см. Г. А. Меликшвили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 259 сл.

⁵ В данном случае может возникнуть вопрос, почему происходит потеря полугласного $-ç-$ перед гласным $-a-$ в единственном числе, тогда как во множественном числе, где форманту родительного падежа $-ce$ всегда предшествует показатель множественности $-a-$, полугласный $-ç-$ сохраняется. Но выпадение полугласного $-ç-$ засвидетельствовано и в форме множественного числа, хотя примеры этого редки: наряду с $^{KUR} Biaina-ce$ имеем $^{KUR} Biaina-e$ (УКН 43а, 92а, с; 131б) (ср. J. Friedrich, Einführung § 18b; Г. А. Меликшвили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 261). Полная потеря полугласного $-ç-$ в словах с основой на $-a-$ в единственном числе объясняется фактором аналогии со словами с основой на $-i$, число которых намного превышает число слов с основой на $-a$.

⁶ См. E. A. Speiser, Introduction, 151.

III. Суффикс направительного падежа множественного числа *-šte*

Во множественном числе направительного падежа, как и в других падежах, употребляется тот же суффикс, что и в единственном числе с предшествующим показателем множественности *-a*¹: *KUR*Biaina-idi, *KUR*Etiuḫina-edi и др.

Но в урартском языке имеется и другой суффикс для выражения множественного числа направительного падежа *-šte*, который встречается в стереотипном контексте: *ḫutiadi* ^D*Haldedi* ^{EN}-di ^{DIM}-di ^{DUTU}-di ^{DINGIR}^{MES}-ašte *KUR*Biainašte (УКН 127 II 8—9, III 26—27, 50—51 и др.) «взмолился (?) я к богу Халди, господину, к богу Тейшеба, к богу Шивини, ко (всем) богам страны Биаинили». Как видно, существует суффикс *-šte*², выражающий множественное число направительного падежа и совершенно отличный от суффикса направительного падежа единственного числа *-e/idi*. Этим до определенной степени нарушается свойственное урартскому единство падежных окончаний в формах единственного и множественного числа. Данный суффикс заимствован, по всей видимости, из хурритского языка.

В хурритском языке форма *-šta*, в которой выделяется показатель множественности *-š*- и суффикс направительного падежа *-ta*, является окончанием направительного падежа множественного числа³. Таким образом, непонятный с точки зрения морфологии урартского языка элемент *-š*- в суффиксе *-šte* объясняется данными хурритского языка, где он является показателем множественности.

В синтагме *DINGIR*^{MES}-ašte *KUR*Biainašte определение *KUR*Biainašte стоит в родительном падеже множественного числа (им. пад. мн. числа *KUR*Biainili). Следовательно, форма *KUR*Biainašte получена от **KUR*Biaina-це-šte > **KUR*Biaina-e-šte > > *KUR*Biaina-a-šte [ср. **URU*Tušpa-це URU > *URU*Tušpa-e URU (УКН 39₂₁, 44₆ и др.) > *URU*Tušpa-a URU (УКН 19_{4,19}, 25_{3,8} и др.)]. Определение *KUR*Biaina-a-šte-, стоящее в родительном падеже, согласуется в падеже с предшествующим определяемым словом *DINGIR*^{MES}-ašte, стоящим в направительном падеже множественного числа на суффиксе *-šte*, что, как было отмечено выше, не характерно для урартского языка. Эта синтаксическая особенность, называемая суффиксацией отношения (нем. *Suffixübertragung*), весьма распространена в хурритском языке⁴. Характерная для хурритского языка синтаксическая особенность проявляется в урартском именно во множественном числе направительного падежа на суффикс *-šte*, что лишней раз указывает на хурритское происхождение данного суффикса.

IV Глагольный суффикс *-urī*

Глагольные формы на *-urī* встречаются только в предложениях, вводящихся отрицательной частицей *uī*. В этом отношении весьма характерен глагол *manurī*, происходящий от глагола *manu* «он был», путем присоединения к основе суффикса *-urī*: *manu-*

¹ См. J. Friedrich, *Einführung*, § 63a; Г. А. Меликишвили, ВДИ, 1953, № 1, стр. 268 сл.

² Некоторые исследователи считают суффиксом направительного падежа множественного числа форму *-ašte*. Но элемент *-a* в данном случае является показателем множественности в косвенных падежах и не имеет никакого отношения собственно к падежному окончанию. Написание *DINGIR*^{MES}-aš-te, в котором на первый взгляд выделяется суффикс *-ašte*, объясняется тем, что суффикс *-šte*, присоединяющийся к основе с исходом на показатель множественности *-a*, в урартской синлабической клинописи мог быть передан только комплексом *-aš-te*.

³ См. E. A. Speiser, *Introduction*, 153.

⁴ См. E. A. Speiser, *Introduction*, 132.

urí > manurí¹. Глагол manu в утвердительном предложении встречается всегда в виде частой основы, являясь глаголом третьего лица единственного числа изъявительного наклонения прошедшего времени. В отрицательных предложениях, начинающихся частицей ui, глагол manu всегда оформлен суффиксом -urí. Это особенно ясно видно в Звартноцской надписи, где формы manu и manurí следуют друг за другом: qíurani žulie manu ui giei ištini manurí (УКН 281₇₋₈) «земля была необработанной (?), ничего там не было»². В этом сложном предложении первая часть (qíurani žulie manu) представляет собой утвердительное предложение, вследствие чего глагол manu представлен в виде чистой основы, тогда как в отрицательном предложении (ui giei ištini manurí) тот же глагол употреблен с суффиксом -urí. Аналогичного характера глагол manurí и в следующем предложении: ui aini LúEN. NAMMES žukuri manurí (УКН 155 F₁₆) «никто из правителей областей не был призван(?)».

Суффикс -urí встречается и в других глаголах: ¹Kuštašpili LUGÁLKUR Qumaħalħie aniarduni manu ui aini LUGÁL ištini ušturi (УКН 155 E₄₁₋₄₂) «Кумташпили, царь страны Кумахалхи, был независим (?), ни один царь туда не направлялся». Глагольная форма ušturi происходит от весьма часто употребляемого в победных надписях урартских царей непереходного глагола ušta- «отправиться, направиться». Суффикс -urí появился в этой глагольной форме в результате употребления глагола ušta- в отрицательном предложении, начинающемся частицей ui. Следовательно, в утвердительном предложении эквивалентом ušturi является форма uštabi «он отправился, выступил (в поход)». Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что суффиксом -urí образуется отрицательная форма непереходных глаголов третьего лица единственного числа прошедшего времени со значением среднего залога.

Но наряду с этими глагольные формы, характеризуемые суффиксом -urí, встречаются и со значением страдательного залога. Все эти глагольные формы также употребляются только лишь в отрицательных предложениях, начинающихся частицей ui: ui PA, itšini agauri (УКН 276₄₁₋₄₂). Глагольная форма agauri происходит от переходного глагола agu- «проводить (канал)»³. Все предложение в целом переводится «канал не был там проведен». Аналогично образуется и отрицательная форма от переходного глагола šidu- «строить»: qíurani quldinie manu ui giei šidaurie ištini (УКН 128 A2₁₈₋₁₉) «земля была пустынной (?), ничего не было там (раньше) построено». Точно также ui giei ištini šidauri (УКН 78₂), (s)ul giei šidaguri (УКН 17_{1,2}).

Из всех вышеприведенных примеров видно, что появление в глаголе суффикса -urí зависит от характера предложения. Он встречается только в отрицательных предложениях, начинающихся частицей ui. Наглядным примером этого служат непереходные глаголы manu и uštabi, функционально адекватные формы которых в отрицательном предложении представлены в виде manurí и ušturi. Следовательно, суффикс -urí меняет определенную глагольную категорию, представленную формами manu и uštabi. Данный суффикс, по всей видимости, переводит утвердительную форму глагола изъявительного наклонения в соответствующую отрицательную.

В глаголах страдательного залога суффикс -urí, как и в глаголах среднего залога, переводит утвердительную форму глагола страдательного залога, не засвидетельствованную в урартских надписях Ванского царства, в соответствующую отрицательную. Основа глагола страдательного залога характеризовалась конечным гласным -a-, что можно усмотреть в глагольных формах ag-a-urí, šid-a-urí, переводящих переходную форму глагола (ag-u-, šid-u-) в соответствующую непереходную (ag-a-, šid-a-). Таким образом, отрицательная форма глагола страдательного залога третьего лица единственного числа прошедшего времени образуется путем присоединения суффикса

¹ См. А. Г ö t z e, On some urartean verbal forms, RHA, вып. 23, 1936, стр. 226.

² См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, Вопросы социально-экономической истории Урарту, ВДИ, 1951, № 4, стр. 29.

³ См. Г. А. М е л и к и ш в и л и, ВДИ, 1951 № 4, стр. 29.

-urí к основе, распространенной элементом непереходности -a-. В глаголах среднего залога суффикс -urí присоединяется к чистой основе: *ušt-urí* > *ušturi*, *manu-urí* > *manuri*. Исходя из этого, можно восстановить отрицательную форму многих глаголов среднего и страдательного залогов. Так, например, отрицательной формой непереходного глагола *šíabi* «он пришел» будет *šíuri* (*uiaini šíuri* «никто не приходил») отрицательная форма глагола третьего лица страдательного залога от переходного глагола *šiu-* «уводить, уносить» будет представлена в виде *ši-a-urí* (*ui gíci šiauri* «ничего не было унесено»).

Т. В. Гамкрелидзе